

Научная статья
УДК 34.01:82-313.2
<https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.10>

**Утопия свободной теократии и русская правовая мысль начала XX в.
(В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, А.Н. Толстой, Е.И. Замятин)**

Сергей Леонович Слободнюк

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург,
Пушкин, Россия, gumilev65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3982-0714>

Аннотация. В статье рассматривается малоисследованный аспект становления и развития русской теократической утопии. Начальной точкой рассуждения автор избирает правовую доктрину В.С. Соловьева, в рамках которой происходит поэтапная деструкция триады «церковь – государство – пророки». На пути к свободной теократии «теург» сначала вытесняет «пророка», затем сливается с «церковью» и, наконец, обретает онтологическое единство с «государством». Последний момент необратимо совпадает «с концом всего мирового процесса» и становится главной причиной крушения теократической утопии В.С. Соловьева. Привлечение критических работ С.Н. Булгакова позволило установить связь «черной» космоургии В.С. Соловьева с идеей «последней свободы», непосредственно повлиявшей на дистопический дискурс XX в. Обращаясь к трудам П.И. Новгородцева и Н.Н. Алексеева, автор анализирует взгляды А.Н. Толстого и Е.И. Замятина. Итогом рассуждения становится вывод, что практическая реализация «последней свободы» в дистопическом дискурсе XX столетия приводит к специфическому пониманию права: возведенная в абсолютный закон воля господствующего и максимально обезличенного субъекта.

Ключевые слова: дистопия, право, свобода, Серебряный век, теократия, теургия, утопия

Для цитирования: Слободнюк С.Л. Утопия свободной теократии и русская правовая мысль начала XX в. (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, А.Н. Толстой, Е.И. Замятин) // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 73–76. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.10>.

Original article

**Free theocracy utopia and Russian legal thought in the early XXth century
(V.S. Solovyev, P.I. Novgorodtsev, A.N. Tolstoy, E.I. Zamyatin)**

Sergey L. Slobodnyuk

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia,
gumilev65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3982-0714>

Abstract. The article deals with a little-studied aspect of the formation and development of the Russian theocratic utopia. The author chooses the legal doctrine of V.S. Solovyov as the starting point of reasoning, within which the gradual destruction of the triad “church-state-prophets” takes place. On the way to a “free theocracy”, the “theurgist” first supplants the “prophet”, then merges with the “church”, and finally acquires an ontological unity with the “state”. The latter moment irreversibly coincides “with the end of the entire world process” and becomes the main reason for the collapse of Solovyov’s theocratic utopia. The involvement of the critical works of S.N. Bulgakov made it possible to establish a connection between Solovyov’s “black” cosmurgy and the idea of “last freedom”, which directly influenced the dystopian discourse of the 20th century. Referring to the works of P.I. Novgorodtsev and N.N. Alekseev, the author analyzes the views of A.N. Tolstoy and E.I. Zamyatin. The result of the reasoning is the conclusion that the practical implementation of the “last freedom” in the dystopian discourse of the twentieth century leads to a specific understanding of law: the will of the dominant and maximally impersonal subject raised to an absolute law.

Keywords: dystopia, freedom, law, Silver Age, theocracy, theurgy, utopia

For citation: Slobodnyuk, S.L. (2022) Free theocracy utopia and Russian legal thought in the early XXth century (V.S. Solovyev, P.I. Novgorodtsev, A.N. Tolstoy, E.I. Zamyatin). *Society: Politics, Economics, Law.* (5), 73–76. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.5.10](https://doi.org/10.24158/pep.2022.5.10) (In Russian).

Утопическая идея, восходящая к архетипике «утраченного рая», в XX столетии лишилась доминирующих позиций в массовом правосознании. Основной причиной, обрушившей чаяния исследователей Эдема, стали многочисленные опыты по установлению «светлого царства социализма», ведь даже наиболее успешный «киббуцный» вариант не смог в полной мере оправдать надежд.

Неудивительно, что начиная с 1950-х гг. утопия вытесняется на второй план научных штудий, уступая лидерство своему антагонисту. Правда, общий интерес к «месту, которого нет» до сих пор не иссякает: только в 2017–2022 гг. база РИНЦ пополнилась почти 700 публикациями, посвященными различным аспектам утопического. Однако *историко-правовые* аспекты утопии (по данным рубрикатора eLibrary) нашли отражение лишь в полусотне работ, теократический ракурс в основном освещается в социально-философском или политическом ключе (см., например: History, to be continued..., 2020; Leontyev, Kurashov, 2019; Leontyev, Leontieva, 2019), и только в 15 трудах понятие «теократическая утопия» вынесено в заглавие.

На наш взгляд, подобный дисбаланс не способствует объективному пониманию судьбы теократической идеи в русской правовой мысли первых десятилетий XX в. Кроме того, в подавляющем большинстве трудов подвергается редукции сложная природа исследуемого предмета, хотя отечественная правовая мысль на рубеже XIX–XX вв. представляла собой синтетический феномен, включающий как воззрения профессионалов, так и «наивные» доктрины, отражающие кризисные процессы в обыденном правосознании. И если в трудах П.И. Новгородцева, М.М. Ковалевского, Е.Н. Трубецкого четко просматривались элементы, повлиявшие на формирование будущего дистопического дискурса, то в сочинениях В.С. Соловьева, Н.С. Гумилева, не говоря уже о Е.И. Замятине и А.Н. Толстом, парадоксальным образом обозначались важнейшие государственно-правовые основания антиутопии.

Катастрофическое столкновение правового идеала и правовой реальности, о котором вслед за П.И. Новгородцевым (1991¹) будет писать Н.Н. Алексеев (1924), в правосознании Серебряного века проявлялось по-разному. Мессианско-эсхатологическое стремление к «утопии земного рая», достигшее в этот период пика, не предполагало свойственной «новейшему западному человечеству веры в универсальную, всеспасающую и всеисцеляющую общественную миссию права» и делало излишним обоснование связи между *возможным* «осуществлением общественного совершенства» и ясным пониманием того, «что такое общественный, политический и правовой идеал» (Алексеев, 1924: 275–276).

Ярким примером подобной редукции правового поля выступают утопические построения В.С. Соловьева. Непримиимый критик без-нравственного понимания права, он предпочитал оперировать моральными и богословскими категориями и напрямую связывал правовые основания своей утопии со справедливостью, которая «не есть простое равенство, а *равенство в исполнении должного*» (Соловьев, 1988, I: 526). Построения мыслителя восходят к моделям Т. Мора и Т. Кампанеллы, ведь, как известно, классическая утопия – это прежде всего воплощенная в жизнь справедливость. Все остальное вторично, в том числе право и законы: Т. Мор упоминает о них вскользь; Т. Кампанелла более многословен, но исключительно тогда, когда речь заходит о законе возмездия.

В доктрине В.С. Соловьева общие принципы утопистов сохранены, однако вопросы справедливости и права выносятся на «космический» уровень, ибо «нравственное значение общества» не зависит от человеческого рационального начала, «практически выражающегося в отношениях юридических и государственных» (1988, I: 588). Мыслитель подчеркивает, что «истинное, нормальное общество должно быть определено как свободная теократия», а последняя есть «основанный на любви и правде общественный строй, всеобъемлющий и всеединящий» (Соловьев, 1988, I: 589, 593). Кратчайшим путем к построению свободной теократии В.С. Соловьев считает теургию. Однако уже на уровне теоретизирования «вдруг» выясняется, что исполнение теургической миссии приводит к деструкции триады «церковь – государство – пророки», поскольку сначала «теург» занимает место «пророка», затем сливается с «церковью» и, наконец, обретает онтологическое единство с «государством». При этом приведение всех областей общественного устройства «к богочеловеческому согласному единству» и вхождение «в состав свободной теократии» произойдут не ранее, чем тварь «освобождена будет от рабства тлению в свободу славы сынов Божиих» (Соловьев, 1994: 193), и, по сути, совпадет «с концом всего мирового процесса» (Соловьев, 1988, II: 398).

Именно осознание *эсхатологической* природы свободной теократии и стало главной причиной крушения утопии В.С. Соловьева. Безусловно, такая трактовка не совпадает с воззрениями, сторонники которых полагают, что «в виде теократической утопии Соловьев переживает» кратковременное «увлечение просветительским прогрессизмом Нового времени», после чего радостно возвращается «к традиционному христианскому вероучению с его эсхатологией и апокалиптикой» (Белик, 2018; Кондратьева, 2017). Однако обращение к трудам С.Н. Булгакова подтверждает, что наша позиция небезосновательна хотя бы потому, что идея «черной космоургии»

¹ Издание 1991 полностью воспроизводит монографию П.И. Новгородцева «Об общественном идеале» 1922 г.

(«Свет невечерний») (Булгаков, 1999: 323) прямо указывает на соловьевский теургизм, без которого «софийная», она же «свободная», теократия просто невозможна. Как невозможна она без идеи «последней свободы», необходимо (по С.Н. Булгакову) связанной с диалектикой свободы тварной, ведущей к преодолению индивидуальности «ради высшей и последней свободы, с принятием софийной детерминации, как цели» (Булгаков, 1945: 156). Иными словами, в соловьевской доктрине «последняя свобода» и есть та самая *свободная теократия*, воплощение которой не предполагает ничего, кроме полного растворения *всего* в безличном абсолюте. Заметим, что неприятие деструктивных оснований соловьевства в итоге отвратило Н.С. Гумилева от концепции друидической утопии. В противном случае необъяснимо, почему «последняя, страшная свобода» (Гумилев, 1988: 267), якобы знаменующая обретение идеального царства, обернулась торжеством некой огненной сущности, «Утренней Звезды – Люцифера» и безоговорочным отречением от идеи кастовой гармонии.

Другой ракурс осмысления утопического теократизма представлен в концепциях, отраженных в «Аэлите» А.Н. Толстого и «Мы» Е.И. Замятина. Хотя замятинский текст считается первой дистопией, давшей жизнь целому направлению в культуре XX столетия, позволим себе заметить, что по крайней мере по времени публикации первопроходцем был А.Н. Толстой.

Дистопическая линия в «Аэлите» построена на критике идей О. Шпенглера, о чем свидетельствует и подзаголовок первого издания – «Закат Марса». Однако идея чистого цезаризма (атланты-Магацитлы) по воле автора обретает теократические черты. В итоге история Земли и Марса, куда атланты экспортируют цезаризм, оказывается историей крушения теократий. Интерпретируя шпенглеровскую доктрину мирового города, А.Н. Толстой отождествляет цивилизацию с теократией, установление которой ознаменовало закат Атлантиды и предрешило судьбу Марса. Справедливости ради заметим, что принадлежность главы Высшего совета инженеров (Тускуба) к высшему жречеству автором не акцентируется: для него достаточно простой констатации данного факта. В то же время А.Н. Толстой постоянно подчеркивает сакральную природу затеваемых Тускубом реформ, цель которых – вернуть государство в золотой век.

Не менее важно и то, что обретение утраченного Эдема у А.Н. Толстого неразрывно связано с полнейшим отрицанием самой идеи свободы: «Город готовит анархическую личность. Ее воля, ее пафос – разрушение. Думают, что анархия – свобода. Нет, анархия жаждет только анархии. <...> Анархии мы должны противопоставить волю к порядку. <...> Мы бессильны остановить вымирание. Мы должны суровыми и мудрыми мерами обставить пышностью и счастьем последние дни мира. Первое и основное – мы должны уничтожить город. Цивилизация взяла от него все; теперь он разлагает цивилизацию» (Толстой, 1985: 347–348). Другими словами, цивилизация – это «безумие опустошенного разума» (Толстой, 1985: 342), чей *свободный* поиск и привел Атлантиду к «последней свободе», единственное спасение от которой – физическое уничтожение ее носителей.

Дистопический дискурс Е.И. Замятина имеет более сложную природу и обращается к интерпретациям вопроса о свободе в системе отношений человека и *реализованной* утопии, какой, как ни парадоксально, является Единое Государство: «Почему танец – красив? Ответ: потому что это несвободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе. <...> Инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку, и мы, в теперешней нашей жизни – только сознательно...» (Замятин, 1989: 309). Хрестоматийный тезис о познанной (осознанной) необходимости здесь налицо. Как налицо и вывод о том, что в Едином Государстве таковой необходимостью является не-свобода, якобы органически связанная с естественным правом. Поэтому первосвященник и живой бог Единого Государства (Благодетель) видит свою главную задачу в полном искоренении (через ампутацию фантазии-души) *не-естественной* свободы, мешающей возвращению в Эдем (Замятин, 1989: 450). В сущности, мир благоденствующих «нумеров» становится образцом новой теократии, провозглашающей торжество мнимо-естественного права, в фундаменте которого идея несвободы и сакрализованное право гражданина «понести кару» (Замятин, 1989: 383). Эта *новая* теократия тем не менее полностью подтверждает справедливость тезиса П.И. Новгородцева: чтобы государство «стало теократическим, требуется... полное подчинение гражданских отношений религиозным целям» (1899: 305).

Дальнейшее развитие дистопического дискурса, в рамках которого были созданы теократии ангсоца (Д. Оруэлл), Дюны-Арракиса (Ф. Херберт), боговластного человечества (Л.М. Леонов), показало, что как только утопия земного рая, перестав быть «абсолютным идеалом» и «безусловной целью прогресса», выходит на уровень «практической действительности», что, по справедливому мнению П.И. Новгородцева, крайне нежелательно (1991: 56), «последняя свобода» в лучшем случае порождает изощренную практику борьбы с мыслепреступлением (Д. Оруэлл), в худшем – превращает талион в единственный основополагающий принцип антиутопического

права (Д. Оруэлл, Ф. Херберт, Л.М. Леонов), являющего собой возведенную в абсолютный закон волю господствующего и максимально обезличенного субъекта.

Список источников:

- Алексеев Н.Н. Основы философии права. Прага, 1924. 283 с.
Белик К.С. Теократическая утопия и ее крах в философии В.С. Соловьева // *ABYSS* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2018. № 4 (6). С. 20–25.
Булгаков С.Н. Свет невечерний // Первообраз и образ : сочинения : в 2 т. М., 1999. Т. 1. 416 с.
Булгаков С.Н. О богочеловечестве. Ч. III. Невеста агнца. Париж, 1945. 621 с.
Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. 632 с.
Замятин Е.И. Мы // Избранное. М., 1989. С. 307–462.
Кондратьева Д.А. Теократическая утопия В. Соловьева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2017. Т. 7, № 6. С. 1305.
Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 13–522.
Новгородцев П.И. К вопросу о сущности теократии // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. III (48). С. 304–311.
Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. СПб., 1994. 526 с.
Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. М., 1988.
Толстой А.Н. Аэлита // Гиперболюид инженера Гарина. Аэлита. М., 1985. С. 259–391.
History, to be continued: The utopia of a diverse world / O.N. Barabanov, T.V. Bordachev, Y.D. Lisovolik, F.A. Lukyanov, A.A. Sushentsov, I.N. Timofeev. M., 2020. 28 p.
Leontyev G.D., Kurashov V.I. Dystopia of transhumanism in the context of general eschatology // *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 2019. Т. 9, № 1. С. 5176–5179. <https://doi.org/10.35940/ijitee.A9225.119119>.
Leontyev G.D., Leontieva L.S. Dualism of Utopia: anti-systemic protest and social // *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 2019. Т. 9, № 1. С. 5172–5175. <https://doi.org/10.35940/ijitee.A9224.119119>.

References:

- Alekseev, N.N. (1924) *Fundamentals of Legal Philosophy*. Prague, Plamya. (In Russian)
Barabanov, O.N., Bordachev, T.V., Lisovolik, Y.D., Lukyanov, F.A., Sushentsov, A.A. & Timofeev, I.N. (2020) History, to be continued: The utopia of a diverse world. Moscow, Valdai Discussion Club Press.
Belik, K.S. (2018) Theocratic utopia and its collapse in the philosophy of V.S. Solovyov. *ABYSS (Studies in Philosophy, Political science and Social Anthropology)*. (4), 20–25. (In Russian)
Bulgakov, S.N. (1999) The Unfading Light. In: Bulgakov, S.N. *Prototype and Image*. Vol. 1. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
Bulgakov, S.N. (1945) On the Divine Humanity. Ch. 3. Bride of the Lamb of God. Paris, YMCA Press. (In Russian)
Gumilyov, N.S. (1988) Poesy and Poems. Leningrad, Sovetskii Pisatel'. (In Russian)
Kondratieva, D.A. (2017) Theocratic utopia of V. Solovyov. *Bulletin of Medical Internet Conferences*. 7 (6), 1305. (In Russian)
Leontyev, G.D. & Kurashov, V.I. (2019) Dystopia of transhumanism in the context of general eschatology. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 9 (1), 5176–5179. Available from: doi:10.35940/ijitee.A9225.119119.
Leontyev, G.D. & Leontieva, L.S. (2019) Dualism of Utopia: anti-systemic protest and social. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 9 (1), 5172–5175. Available from: doi:10.35940/ijitee.A9224.119119.
Novgorodtsev, P.I. (1991) *On the Social Ideal*. Moscow, Pressa, 13–522. (In Russian)
Novgorodtsev, P.I. (1899) On the Essence of Theocracy. *Voprosy Filosofii i Psikhologii*. III, 304–311. (In Russian)
Solovyov, V.S. (1994) Readings on Divine Humanity. Saint Petersburg, Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian)
Solovyov, V.S. (1988) *Essays*. Moscow, Mysl'. (In Russian)
Tolstoy, A.N. (1985) Aelita. In: Tolstoy, A.N. *Engineer Garin's Hyperboloid. Aelita*. Moscow, Pravda, 259–391. (In Russian)
Zamyatin, E.I. (1989) We. In: Zamyatin, E.I. *Selected work*. Moscow, Pravda. (In Russian)

Информация об авторе

С.Л. Слободнюк – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=438015.

Information about the author

S.L. Slobodnyuk – D.Phil., D.Phil. in Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=438015.